Жукова (Высоцкая) Иза Константиновна 18.10.2004

СУДЬБА

странная женщина Владимира Высоцкого

Иза Жукова — заслуженная артистка драматического театра города Нижний Тагил.

ИЗ ДОСЬЕ "МК". **Иза Высоцкая — в девичестве Изольда Жукова — окончила Школу-студию МХАТ в 1958 году. На один год старше Владимира Высоцкого. Работала актрисой в Киеве, в Театре им. Леси Украинки, в Ростове, в Перми, во Владимире, в Липецке. В настоящее время служит в Нижнетагильском театре драмы. Имеет сына.**

Первая ночь

Почти полночь. Она, чтобы я не плутала, встречает меня на улице и ведет к дому. Обычная панельная "хрущоба". Трехкомнатная квартира. Сразу дала чаю и пирог с яблоками.

— Как же вас занесло в Нижний Тагил?

— Вот так — приехала, думала, на недельку, а осталась на всю жизнь.

Скромная трехкомнатная квартира. Немного мебели. Чисто. На стенах — картины вперемешку с фотографиями. Как ни странно, но Высоцкий занимает не самое почетное место. Лишь два-три снимка ранней молодости среди прочих.

— Расскажите, как вы познакомились с Владимиром Семеновичем.

— Познакомились в Школе-студии МХАТ. Я была на один курс старше: я — на третьем, он — на втором.

— Какое он произвел на вас впечатление?

— Никакое. Был мальчик — такой румяненький, хорошенький, коренастый, конопатенький немножко. Темно-русые волосы, светлые глаза. Очень симпатичный домашний мальчик, у которого папа — строгий военный, мама — переводчик, архивный работник, и вторая жена отца — Евгения Степановна — тоже очень интеллигентная женщина. Ну мальчик и мальчик, бегает по студии. А я уже замужем была, у меня своя, взрослая жизнь.

Когда наш курс выпускал спектакль "Гостиница "Астория", его пригласили на крошечную роль — нужен был солдат, даже не помню, были ли у него слова. И вот после сдачи спектакля у нас было застолье студенческое. И, конечно, там был Володя. Под утро, когда все стали разъезжаться и мы с подругой Греттой Ромадиной и нашим педагогом Виктором Карловичем Манюковым собирались ехать пить кофе с пирожными к его тете, рядом со мной оказался Володя, который меня никуда не пустил.

— Что значит не пустил?

— Ну не пустил, держал вот меня за руку и не отпускал. И мы пошли бульварами на Трифоновку, в наше общежитие. И всю дорогу ругались. Мне было досадно и обидно, что не поехала на кофе. Да и зачем он идет за мной? Я замужем! Хотя брак и продержался две недели, но я не была разведена. Я даже не помню, о чем мы говорили, но факт тот, что с этого дня он вообще был при мне, со мной. Я приходила в столовую, а мне несли обед и не говорили от кого. "Я не буду, я не буду!" — возмущалась я. "Да ты не бойся..."

Или я заболевала, и моментально появлялись лекарства. В Москве тогда невозможно было достать цветы, а он находил. Таскал еду из дома. Этот ребенок в 19 лет... Дай бог так себя зрелым мужчинам вести.

— Значит, красиво ухаживал?

— О да. Очень! Я была убеждена, что Володя не может некрасиво ухаживать. Мне кажется, он любил всех женщин.

— Вообще странно... По фотографиям и кинороли производит впечатление мужчины, которого женщины любят за то, что он ими пренебрегает.

— Нет. Он носил на руках. Дарил, бесконечно дарил — что угодно. Я сама не заметила, как вдруг мне стало его не хватать. А потом случилось то, во что я очень верю, — два человека превращаются в одного. Если мне поначалу казалось, что это мальчик, то очень быстро я превратилась в маленькую девочку. Благодаря ему мне всю дальнейшую жизнь хотелось быть маленькой, беспомощной и глупой. Но не пришлось.

— А что он вам дарил?

— Да все дарил — это могла быть конфетка, мандаринка или отрез на платье. Духи и туфли, но туфли только без каблуков.

— Почему без каблуков? Он комплексовал, потому что маленький был?

— Вот говорят — маленький, маленький. Маленьким он не был, 1 метр 72 см. А во мне 1 м 70 см. Тогда было модно ходить с девушкой, держа ее за шею. Вот когда я была без каблуков, за шею меня ему было удобно держать.

— Вы остались жить в общежитии или переехали к Володе?

— Он взял мой чемодан и привел домой на 1-ю Мещанскую. Там жила Нина Максимовна с Жорой (ну, ее мужчина) и соседка Гися Моисеевна с сыном Мишей. Мы с Володей занимали третью комнату, причем так: эта комната одновременно принадлежала и Высоцким, и Гисе Моисеевне. Поэтому она была проходная, на ночь ставили ширму: в любое время в нее заходили, завтракали соседи. Эта Гися Моисеевна даже в песне у Володи есть про коммуналку.

У меня были хорошие отношения с семьей — до последних дней. С Ниной Максимовной у меня случилась размолвка. Очень большая. Но об этом мне не хочется говорить.

— А свадьба когда случилась?

— Расписались мы, когда Володя заканчивал студию. В это время у меня был второй сезон в Киеве, куда меня и сокурсника моего Алешу Одинца пригласил Михаил Романов, он тогда руководил Театром Леси Украинки. Я играла там с Олегом Борисовым, Пашей Луспекаевым — это было счастье.

— А вы не боялись Высоцкого одного оставлять в Москве?

— Вот вы ничего не понимаете! Я объясняю: ничего дурного быть не могло, когда два человека превращаются в одного. У меня до сих пор ощущение, что Володя здесь, рядом. И тогда страха никакого не было. Я работала в Киеве, мы писали друг другу, Володя приезжал.

— А как он вас называл?

— Изуля. По паспорту я Иза, хотя меня часто называют Изольдой.

— А вы так и звали его — Володя?

— Это интимно очень. Я звала его Волчека, Волчонок.

— И все-таки вернемся к вашей свадьбе.

— С помощью Володиной бабушки по линии отца — она была очень влиятельным человеком в Киеве, врачом-косметологом, — меня развели с первым мужем. Я прилетела на свою собственную свадьбу 25 апреля 1960 года. Мы никакого торжества не хотели делать, но Семен Владимирович сказал: "Свадьба — значит, свадьба". И вот маленькая, крошечная квартирка в две комнаты, народу пропасть, на подоконниках сидят...

— В чем была невеста и в чем жених?

— Мне покупали в магазине "Наташа" на улице Горького прелестное платье в палевых розах, очень пышное. Материал назывался перлон, такого сейчас нет. Туфли, естественно, без каблуков, бледно-лимонного цвета. Никакой фаты. А Володя... Он был в рубашечке, мы купили ему костюм, но он его не носил. А может, и в костюме был, не помню. Расписались в Рижском ЗАГСе, под патефон, где почему-то был не марш Мендельсона, а музыка из фильма "Укротительница тигров". Мы хохотали страшно.

И колец у нас не было, потому что все, что мы зарабатывали, уходило на поездки друг к другу. Нам бабушка Володина дала три тысячи, большие деньги по тем временам, и написала: купите Изе шубу. А я купила не шубу, а все, что не надо: вошла в магазин — и глаза разбежались... Непрактичные мы были, не было у нас никакой привязанности к вещам.

— Расскажите, как жили непрактичные люди. Кто деньги зарабатывал?

— "Женщина не должна занимать деньги. Пусть Володя попросит у меня, и я дам", — сказала как-то Гися Моисеевна, когда я пришла к ней занять денег. Я сказала: "Володя, нет денег". — "Хорошо, Изуля, добудем". Как он добывал, меня это не очень интересовало. Вот какой он был муж? Он меня даже к портнихе возил. Помню, привез отрез — серебряный, под березку. А пальто кораллового цвета с начесом... Сам надел, сам обул, сам причесал. Я же не просила норковое манто. Откуда бы этот, тогда неудачник, взял деньги? В Пушкинском театре Равенских (Борис Равенских — режиссер. — **М.Р.**) пинал его как хотел. Спасибо Раневской, она его опекала. Когда Володю собирались убирать из театра, она пошла в дирекцию: "Оставьте его — или уйду".

— Извините, он пил при вас?

— Я застала юность его, очень чистую, когда Володя не пил. То есть мы выпивали в компаниях, но это не было болезнью, а просто застольем. Про наркотики я узнала только после его смерти. Однажды мне принесли его "бревнышком", а наутро, поднявшись, он попросил: "Изуля, дай шампанского". Не помню, какие уж пламенные монологи произносила. Он слушал-слушал, а потом сказал: "Изуля, ну ладно, только не сутулься". Эти байки я несла в студию, рассказывала, что мой Высоцкий творил. А для него самое главное — распусти волосики, возьми кофточку и не сутулься. Кофточку он мне подарил из американской посылки (кто-то получил), ни у кого такой не было — пуховая серенькая кофточка. И вот жара не жара, а Володя за свое: "Возьми кофточку". И волосы надо обязательно распустить. И еще туфли без каблука. И все замечательно.

Уже третий час. Давайте спать. У меня завтра спектакль.

Утро

На столе чай, овсянка. На ней — домашний халат. Глядя на нее, понимаешь, что сколько бы жен у мужчины ни было, он тяготеет к одному физическому типу женщины. И Высоцкий не был исключением. Его первая жена похожа на последующих: такая же высокая, волосы светлые, глаза большие.

— И все четыре года — безоблачное счастье? А недостатки у мужа были, которые вас раздражали?

— Да нет. Гитара разве что. Он только начинал сниматься, писал песни. И к песням я тоже относилась легкомысленно: зачем это? Ведь я выросла в оперном театре, училась в хореографическом училище и эти трень-брень балалайка не понимала.

— Вы хотите сказать, что он мучил вас своими песнями?

— Конечно, мучил. Во-первых, он учился играть на гитаре, а вот потрынькай у вас над ухом — вам, наверное, не понравится. Во-вторых, кругом пели все. И Володя пел. Но он был для меня тогда Володя, а не Владимир Семенович.

— Он посвятил вам какую-нибудь песню?

— Посвящения прямого нет. Вот он привез мне одну песню "О нашей встрече что и говорить. Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий". Тогда действительно была необычная встреча. Я иду недалеко от улицы Правды и чувствую, что кто-то смотрит на меня. Я вся извертелась, но никого не увидела. Прихожу к подруге, телефонный звонок: "Изулька, я видел тебя из автобуса". И он приехал к нам с Каришей (Карина Филиппова — сокурсница Высоцкой. — **М.Р.**) и привез эту песню. У меня был черновик, карандашом написанный, но он не сохранился. Знаете, бывают периоды, когда я расстаюсь с прошлым — рву дневники, выбрасываю бумаги. Да мало ли что он написал: "Длиннющий хвост твоих коротких связей". Мне больше нравилось "Я подарю тебе Большой театр и Малую спортивную арену". Я понимала, что это шутка, но в какой-то момент мне это не помешало порвать.

— А правда, что Высоцкий был прижимистым и, только когда выпивал, становился щедрым?

— Нет, абсолютная ерунда. У него все — на раздачу. Мы как-то с Ниной Максимовной купили ему дюжину рубашек, все было моментально роздано. Он уезжал в новой, а приезжал в чьей-то старой.

— Сколько же вы в общей сложности прожили в браке?

— Года четыре. Хотя в официальном браке... там вообще ничего не поймешь: регистрация была в 60-м году, развод я получила в 65-м в мае, а у Володи уже были дети. По документам ничего не проверишь. Прожили мы года четыре. На развод шли нежно. Володя не знал, что в тот момент я уже ждала ребенка.

— И все-таки, когда ваш безоблачный брак дал трещину?

— Володя должен был прилететь в Ростов, где я в это время работала в театре, и его туда брали. А незадолго до этого одна моя подруга сообщила мне, что Люся Абрамова ждет от него ребенка. И тут же позвонила Володе. Я его спросила: "Правда?" И он сказал: "Нет". Он сказал: "Я вылетаю". — "Как влетишь, так и вылетишь", — сказала я и бросила трубку. Мне врет Высоцкий? Да как это может быть? Причем я не знала, кто такая Люся. Какая Абрамова? Потом узнала, что они вместе снимались в "713-й просит посадки". Я из Ростова бежала в Пермь. А из Перми — во Владимир.

— Но, с другой стороны, вы уже не жили вместе, и он имел право на собственную жизнь.

— Мы так не рассуждали. Во-первых, мы не расходились, тем более что он был очень против моего отъезда в Ростов. Знаете, всю свою жизнь я бежала, не зная куда. А ведь меня в "Ленком" брали, я с Ширвиндтом в "Что делать?" мазурку танцевала под ручку, надо было только подождать до следующего сезона, но я не могла и бежала из Москвы. Я покочевала — сперва Ростов, потом Пермь, Владимир, Липецк и вот здесь я застряла. Поэтому у меня очень болят теперь ноги.

— Простите, вот вы уже в какой раз повторяете — "бежала". Что происходило в тот период страшного?

— В семье было не все в порядке. Мы не могли уже быть втроем — я, Володя и Нина Максимовна. И все же я не имела права уезжать, хотя это не значит, что мы тогда бы не расстались. Наверное, расстались бы. Но я со своим горем носилась, жалела себя. А ему-то каково было? За что он-то был брошенный? Вот это было мерзко и подло, но я тогда этого не понимала. Не хочу об этом говорить.

— Мне кажется, вы уходите от ответа, как будто я вам задаю неприличный вопрос вроде того: пользовался ли Высоцкий презервативами?

— А это я вам скажу. Не пользовался.

— Он первый попросил у вас развода?

— Развод мне не нужен был как таковой. А ему нужен: Люся была беременна. И я посылала документы, причем не один раз, а он их терял. Я в 1964 году приезжала в Москву, и мы подавали на развод. Потом была пущена легенда, глупая и ужасная, что регистрация Высоцкого с Абрамовой произошла так поздно, потому что меня разыскивал всесоюзный розыск.

— Кому это было выгодно?

— Эту легенду создала Люся. Очевидно, чтобы у детей не было травмы, потому что даты их рождения и нашего развода с Володей не совпадали. А потом еще был такой случай. Я приехала к Семену Владимировичу, и пришел журналист сверить факты биографии Володи. Семен Владимирович читает: "Первая жена, вторая жена, третья... Нехорошо". А я тут же сижу, на диване. Он говорит: "Марина — вдова, у Люси — дети. Иза, я тебя вычеркну". — "Давайте", — смеюсь я, и он вычеркивает. Для официоза три жены нехорошо. И все равно, когда мы развелись, я осталась родственницей.

— А в каких отношениях вы были с женами Владимира Семеновича?

— Ну, жен я практически не знала. Люсю я увидела в 1981 году, 25 января, у Нины Максимовны. Впервые увидела Аркашу с Никитой. После встречалась, нормальные были отношения, но никаких особенных чувств. А Влади я видела на Таганке, но она ко мне — никак. Правда, как-то звонил мне в Нижний Тагил Сева Абдулов и говорил от имени Марины, что хорошо бы встретиться. Я ему сказала: "Сева, у меня ведь ничего от Володи не осталось". И все, интерес погас.

— После развода он помогал вам материально?

— Нет. У нас вообще не было никогда таких разговоров. Вот в 1976 году, когда мы встречались последний раз, он сказал мне: "Изуля, у меня много денег, возьми ради бога". Он смехом это говорил, но я: "Володя, ни в коем разе".

— Гордость не позволила взять деньги?

— Это не гордость, это, наверное, ущербность. Ведь лишних денег не было и нет. Сейчас я бы, наверное, не отказалась.

— Выписывались ли вы с 1-й Мещанской после развода?

— Я отправляла в милицию заявление, чтобы меня выписали. А как бы Люсю прописали, если бы я там оставалась? У нее же дети. Жена Семена Владимировича Евгения Степановна говорила: "Иза, что ты делаешь? Ты можешь прописку потерять". А я не понимала и сейчас не понимаю: меня в этот дом приняли, я из него ушла — меня никто не выгонял. Как же я на этот дом буду разевать рот?

Владимир Высоцкий и Иза Жукова — счастливая пара.

Иза Жукова в семье отца Высоцкого всегда была желанным гостем.

Вторая ночь

После спектакля она более расслабленна. Видно, что довольна, играла действительно прилично.

— Иза Константиновна, вспомните вашу последнюю встречу с Владимиром Семеновичем.

— 1976 год. Володя позвонил. "Приедешь на "Гамлета"?" — спросил. Друзья меня не пускали, говорили, что у него "Мерседес", а "куда ты в таком виде в калашный ряд". Если бы видели, как я закатилась на Таганку: свитер-самовяз, брюки за пять рублей, туфли невозможные. Нет, я не комплексовала, но вокруг меня комплексовали.

Вот он выбежал из машины, подбежал ко мне, схватил за руку, мы побежали к проходной. А вокруг толпа кричит: "Володя! Высоцкий! Владимир Семенович!" "Посиди, сейчас билет принесу", — сказал он и убежал. И не было для меня никакой его звездности. Да если бы не эта звездность, я была бы ближе к нему, я бы от него не пряталась.

— Пижон был?

— Что вы, нет. Это потом, когда он стал офранцуживаться, стал одеваться очень элегантно. Но скромно. Когда мы встретились на дне рождения у Семена Владимировича, он приехал в черном лайковом пиджаке. Я ему говорю: "Володька, ты как черный таракан". — "Щас сниму". В одежде любил спокойные тона, но была любимая красная рубашка. Когда Володи не стало, Нина Максимовна отдала моему сыну Глебу Володины туфли, брюки, причем концертные, джемпер французский, рубашку. Очень красивый ребенок приехал. Тем более что кое-кто считал Глеба Володиным сыном. Действительно, мы встретились, чтобы идти на развод, в конце августа — в сентябре 64-го, а Глеб родился в мае 65-го. По срокам сходится, но Глеб точно не его сын. Я одновременно родила сына и получила бумагу о разводе.

— И вот 1976 год.

— Да, у него утренний "Гамлет". После — три сольных концерта в Коломне с короткими перерывами. В эти перерывы он съедает кусок колбасы, глоток кофе и еще поет за кулисами то, что не может петь со сцены. После этого он едет поздравлять Беллу Ахмадулину, а на следующий день утром рано уже в какое-то посольство. И я сказала ему: "Володя, как ты можешь?" — "О чем ты говоришь? Я боюсь остановиться". А ведь жизнь-то разорванная: с Мариной живут врозь, все время круговерть, вокруг огромное количество людей. И всем что-то надо.

— А ночевали вы в Коломне?

— Нет. Мы вернулись и ночевали на Малой Грузинской у Володи. Незадолго до этого Влади уехала из Москвы, но во всем чувствовалось присутствие женщины. Потом Семен Владимирович вел допрос — была ли я на Малой Грузинской. Разведчик. Нет, они не возражали. Меня расспрашивали, потому что... А вдруг чего-нибудь случится и наладится? Я знала, что он собирается к Влади в Париж. И еще он сказал о ней: "Она очень хороший человек, она много для меня сделала".

— И случилось? И наладилось?

— Ничего не могло быть. Я имею в виду — мы не могли сойтись: каждый уже бежал в свою сторону. Мы как были родные, так и остались: как хотите, так и понимайте. А назавтра с утра Володе нужно было рано вставать. Я быстренько приготовила ему завтрак, накормила. А дальше у него концерты, спектакль, опять он меня встречает, отвозит в Жуковку к друзьям, в другой день едем к Семену Владимировичу на 60-летие.

В 76-м году я уехала за него очень спокойная. Володя был в очень хорошей форме, у него было безумно много планов, и мне казалось: ну все замечательно — и в театре, и с Мариной.

— Каким же образом вы оказались в Нижнем Тагиле?

— В 70-м году мы с мужем ушли из Театра Балтфлота в Липецке. "Позвони Высоцкому", — сказал он мне. И я позвонила. Володя сразу сказал: "Приезжай". Я приехала на улицу Телевидения, он тогда там жил в двухкомнатной квартире. Позвонила — никто мне не открыл. Ну, думаю, приехала. И тут поднимается Володя с Ниной Максимовной, несут конфеты, несколько коробок. Мы разговаривали, Володя пел. Если вы соглашались слушать, он пел всегда. Мы с Ниной Максимовной выпивали шампанское, Володя не пил. И тогда при нем она мне сказала о свадьбе с Мариной.

"Володь, ты можешь помочь с работой? У нас такая ситуация, кошмарный режиссер". Он сказал: "Я сделаю все, только подожди, когда я вернусь". Во-первых, был август, в театрах — отпуска, а во-вторых, он уезжал на концерты. Потом мы поехали ко мне — Володя поднялся, чтобы посмотреть на Глеба, но тот спал. Он постоял над спящим мальчиком и ушел. Но я тогда его не дождалась.

— Почему? Вы не хотели остаться в Москве?

— Как только я сказала мужу, что Володя обещал помочь, он тут же на бирже подписал контракт с Нижним Тагилом. Тем более что в Тагиле сразу давали квартиру. В ней я до сих пор и живу. Мне хотелось иметь свой угол и чтобы у ребенка была комната. А здесь, как видите, целых три.

— Последняя ваша встреча была за четыре года до смерти Высоцкого. Почему такой большой перерыв, если вы оставались в дружеских отношениях?

— Понимаете, больше того, что сохранялось между нами, и не нужно было. Мы не были друзьями. Это другие чувства, когда остаются просто мужчина и женщина — на всю оставшуюся жизнь. Если бы я узнала, что Володе плохо, я бы скорее кинулась к отцу, чтобы доподлинно узнать все. И я знала, что если Володе хорошо, мне тоже спокойно и хорошо. И тогда зачем же встречи?

— Но ему, особенно в последние годы, было очень плохо. Алкоголизм, наркотики...

— Однажды мне Нина Максимовна сказала: "Какая ты счастливая, что ты всего этого не видела".

— Вы прожили в общей сложности четыре года. Почему не заводили ребенка?

— Мы как раз думали о ребенке. Мы ждали ребенка, но этого не случилось. Он должен был родиться, но он не родился... Был выкидыш. Но не сам по себе... Сначала был скандал, хотя я даже не могу назвать это скандалом. Нина Максимовна стояла посреди комнаты и кричала. Ни я, ни Володя не могли вставить ни слова. Теперь я понимаю, что это была истерика: у нас будет ребенок, а у нее своя жизнь, Жора...

— А какой у вас срок был беременности?

— Ну, небольшой. Дело в том, что у меня началось кровотечение.

— Не родился ребенок. Обычно семью подобное горе сплачивает.

— Может быть, так бы и случилось. Но был скандал, после чего я попала в больницу. И улетела из Москвы, удержать меня было невозможно.

— Когда вы помирились с матерью Высоцкого?

— Она первая пришла. У меня уже был сын. Сказала: "Прости меня". И больше мы об этом не говорили. Пока Володя был жив, мы встречались не редко. Я больше жила в семье Семена Владимировича.

— Вы приезжали на похороны бывшего мужа?

— Нет. Я о смерти узнала в тот день, когда мне присвоили звание "заслуженная артистка". Приехала в Москву только на 41-й день. Остановилась у Семена Владимировича на Кировской. Лежу в гостиной, сон не идет, тревожно, сами понимаете... Потом чувствую: пришел Володя, сел ко мне на постель — и мне стало очень хорошо, покойно. Я не могу сказать, что я его видела, но я его чувствовала, воспринимала как живого. У Лорки есть прекрасная фраза: "Наши мертвые у нас в крови".

В смерти Володи для меня много странного. Я много слышала о его смерти всякого разного. Вот врач Игорь, фамилию его не помню, позвонил Нине Максимовне: "Мне надо вам кое-что рассказать". — "Я не могу сегодня, давайте назначим встречу на завтра". Завтра его уже не стало — покончил жизнь самоубийством. А вскрытие показало, что у него столько в желудке лекарств, что никакого самоубийства не надо. Насколько все это достоверно? И главное — не было вскрытия тела Володи.

— Вы хотите сказать, что это убийство?

— Я этого не хочу сказать, меня там не было. Но не было и вскрытия. Семен Владимирович сказал: "Не дам!" Сейчас я могу это объяснить: он всегда хотел скрыть, что сын его — наркоман, что у него много жен, хотя ко всем женам хорошо относился, а ко мне так очень замечательно. Но это он не дал вскрывать тело.

— Вам фамилия Высоцкого помогает или мешает?

— Помогает, вот плитку на кухне мне выложили поклонники Володины. Несколько лет назад пришли и просто спросили: что вам сделать?.. Пока был Володя жив, на мою фамилию никто не обращал внимания. Но как только Володи не стало, в первый год — это был какой-то ужас. "Скажите, это правда, что..." Я уходила из очереди, потому что сказать "неправда" — значит, отказаться от него. Однажды после гастролей в Новочеркасске мне артисты устроили обструкцию — слишком много мне цветов дарят. Говорили, что это все за счет фамилии.

— Вы считаете себя вдовой?

— Марина — вдова: когда Володя умер, она была его женой. А я бывшая жена. Вот уже жизнь подходит к концу. Ни мужей, ни мужчин давно уже нет. А Володя — это Володя. И я вас уверяю, поверьте мне, если бы не было песен, ролей, а он был просто Володя, просто актер, он для меня все равно бы остался самым значительным из всего, что произошло в моей жизни.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала режиссеру Юрию Ершову.

Марина РАЙКИНА.

Фото из семейного архива Изы Высоцкой, Нижний Тагил—Москва.

93